

Вырезка из газеты
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА

5 26 ИЮЛ 1957

Ленинград Газета №

ТЕАТР

Снижение требований

В последние годы гастроль Псковского областного драматического театра имени А. С. Пушкина в Ленинграде стали регулярными. Это дает возможность видеть тенденции развития театра.

У псковичей есть хорошая традиция — борьба за свой репертуар. Ведь именно они несколько лет назад вернули на сцену и «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского и «Баню» В. Маяковского, а в прошлом году показали не шедшую более 30 лет инсценировку романа Ф. Достоевского «Идиот».

И в этот раз Псковский театр привез три не известных ленинградцам пьесы. Самостоятельность его искания несомненна. Всегда ли эти искания плодотворны? Ответ на вопрос дают спектакли.

Несомненно, театр проявил творческую смелость, поставив драму Дм. Зорина «Вечный источник», в центре которой — образ В. И. Ленина. Главная мысль пьесы выражена в ее заглавии. Жизнь народа — это вечный источник идей, и величие Ленина-вождя именно в том, что он умел черпать из этого источника, гениально понимая народные чаяния.

Ленин показан драматургом в необычных обстоятельствах — среди крестьян, переживающих свои личные и общественные драмы, с трудом нащупывающих пути к новой жизни в первых сельскохозяйственных артелях. Роль Ленина театр поручил артисту Л. Куклину. Давний член псковской труппы, он хорошо известен зрителю как остро характерный и ярко комедийный ак-

тер, к тому же и по внешним данным не очень подходящий к роли Ленина. И действительно, первое появление артиста невольно разочаровывает. Конечно, грим и костюм делают свое сильное дело, но все же сходство скорее обозначено, чем существует на самом деле. И, словно зная это, Л. Куклин торпится напомнить знакомые всем жесты и позы Ильича, его характерную речь. Стремление к правдоподобию деталям мешает актеру, и потому не всегда ему удается передать главное — ленинскую остроту и гибкость ума, его человеческое обаяние. Лишь постепенно овладевая существом образа, а вместе с тем и доверием зрителей, актер обретает относительную свободу своего сценического поведения. Он показывает Ленина где-то озорным, лукавым, почти детские непосредственностям в реакциях и стремительным в движениях. Так, преодолевая трудности, Л. Куклин набрасывая пока еще скizzный образ неликого вождя и самого человеческого человека. И если актеру не удается сделать больше, то причина этого заложена прежде всего в самой пьесе и в ее режиссерском прочтении.

Назван свою пьесу народной драмой, Зорин не сумел разработать народные характеры, действие исчерпывает себя к 3-му акту и, теряя внутреннюю логику, служит иллюстрацией заданной авторской мысли. Эти недостатки еще более обнажились в спектакле. Режиссер В. Велишкин, видимо, задумал его в широком эпическом плане народного сказа. Но эпоса не получилось. Зато

из спектакля ушла реалистическая конкретность поведения, мысли и чувств героев, ушла достоверность жизни народа. Особенно не удалась массовые сцены. Ее участники не представляют себе ясно, как им надлежит в соответствии с характером изображаемого персонажа относиться в каждом случае к людям и событиям. Отсюда — внутренняя статичность крестьянских сцен, на них чувствуется ялет некое условности, «спейзаства». Это впечатление усиливает хор, запевающий, словно по команде, кстаты и некстаты русские народные песни. В результате тот вечный источник, ради которого должен существовать спектакль, на сцене иссох.

Не найдя выразительных средств эпического искусства и утвердя жизненное достоверность, режиссер обратился к мелодраматическим эффектам. Это особенно сказалось на финале. Группа людей, картинно разместились на возвышении под названием «дочку», вместе с Лениным, обильно уславляя мизансцены, лежит вине логике действия, не вытекающей из художественного строя постановки. Такую противоречивая природа этого спектакля, добрые измерения которого, очевидно, превышают реальные художественные результаты.

Эта же мысль приходит на спектакле «Меч и звезда». Оговоримся сразу — пьеса Ю. Чепурина, несомненно далекая от совершенства, трудна для воплощения. Ниполовину она написана как мелодрама, со всеми присущими этому жанру чертами. Здесь и невероятное переплетение

людики судеб, и мало мотивированное нагнетание событий, и внезапная смерть одного из влюбленных из яда, и многое другое, что неправдоподобно с точки зрения обыденной жизни и требует особых средств сценического воплощения. Будучи сыгранна приемами обычной бытовой драмы, мелодрама немедленно обнаруживает свою приторную фальшивость. Но как быть, если другая половина произведения как раз написана в привычном плане «песнь вообще»? Ясно одно — необходим режиссерская точность и последовательность в определении ключа спектакля, иначе он распадется. Так и случилось с постановкой «Меч и звезда» (режиссер В. Велишкин). В ней как бы сосуществуют два разножанровых спектакля. Если артисты В. Мухомов (полковник Асанов) и А. Гепнер (дядя Панкрат) правдиво живут по законам реалистической драмы, то П. Богданова (немецкая девушка Луиза) пришла из мира мелодрамы. Такое соседство ободурство. Две различные театральные правды, сталкиваясь, грозят уничтожить друг друга. И в итоге на сцене утвердятся нечто третье — ремесленная условность и приближенность, торжествует мелодраматизм. Театр убог в пьесе криком чувств, но не осидки их и остановился на полдороге, не сумев свести концы с концами. Спектакль то волнует искренним призывом к интернациональной дружбе, то раздражает своей театральностью нарочитостью. Он как бы собирает в фокусе те недостатки воплощения, которые сказались в «Вечном источнике». И это внушает беспокойство за направление избранного театром.

Но в его сегодняшней практике

есть примеры, говорящие в о других возможность труппы. Это спектакль «Без названия». До сих пор лишь специалисты знали об этой юношеской драме А. Чехова. Вероятно опубликованная в 1923 году, она никогда не ставилась у нас на сцене. Для этого были серьезные основания. Пьеса по форме гротескная, рыхлая, мелодраматична. Но в ней видны горькие и глубокие раздумья молодого автора над тяжелой эпохой «безвременья» — восьмидесятыми годами прошлого столетия. Последнее, видимо, и привлекло театр. И он приложила все усилия, чтобы максимально приблизить Чехова к Чехову. Создавая сценическую композицию пьесы, режиссер В. Истомина-Касторовский отстал от, от чего отказался впоследствии зрелищ Чехов-драматург. Обработав ее таким образом пьеса приобрела со своей манере больше сходство с позднейшими произведениями Чехова.

В спектакле есть подлинно человеческие герои. Достаточно вспомнить Сергея Войничца, какин его рисует артист В. Лукин, — прерастудного мечтателя и слабого человека, вспомнить его чего-то ишуше, бесполокие пальцы, растерянный взгляд блуждающих глаз. Характерно, что не только В. Лукин, но и Н. Полонская (генералы Войничева), тяготившие в других спектаклях к абстрактной эмоциональности, здесь показали тонкое понимание стилия автора.

Но возникающая жизнь разбивается о те подводные камни мелодраматических эффектов, от которых не в силах был до конца отстоять пьесу театр. И тогда снова торжествует тот стиль представле-

ния, на который тевер так слышим «блаться осколки».

Возникает невольно вопрос: зачем было так битись над авторским замыслом? Во время, как театр не общался еще к совершенным творениям Чехова? Поставь Псковский театр «Изабелла» — пьесу, лежащую ближе всего по идее к драме «Без названия», и артист Ю. Престинко, вероятно, оказался бы хорошим исполнителем загадочной роли, что он доказал своим Платоновым в спектакле «Без названия». Но в этом случае ни ему, ни его партнерам не пришлось бы преодолевать досаднейшее сопротивление драматургического материала. Работа театра достойна уважения, но вряд ли она увенчается успехом, ибо Чехов у нас общал. Скорее, эта постановка так и останется более историко-литературным фактом, чем театральным событием.

Каковы же итоги? Судя по гастролкам, сегодня художественная жизнь коллектива сложна, подчас противоречива. Его стремление к репертуарной самостоятельности иногда грозит обернуться самоцелью. В поисках театральности, отказавшись от широкого правдоподобия, режиссер и некоторые актеры пренебрегают правдой искусства, забывают о необходимости элементов мастерства. В театре намечается замедление. Очевидно складывается в той системе недостатков, которые проявились и в «Вечном источнике» и в «Мече и звезде». Вторая представляем спектакли прошлых лет — «Юстинциановской трагедией», «В добрый час!» и работами ряда актеров, стремившихся сохранить верность правде жизни. И хочется, чтобы встали на их стороне. Дело за художством.

Т. МАРЧЕНКО